

Аффективная экспансия как регулятор границ Я: от адаптационных задач к дезадаптивной активности

Шаповал И.А.,

доктор педагогических наук, профессор, кафедра специальной психологии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбург, Россия, irinasharoval@yandex.ru

Возможности и эффективность аффективного контакта человека с миром связаны с его психологическими границами: субъективным символом перехода, областью потенциальных нормативных и дисфункциональных смыслов и возможностей и полем неадаптивной активности. Регуляторно-адаптационная роль аффективной системы в нестабильных ситуациях реализуется в аффективной экспансии, определяющей контакт человека с границами своего Я как «вызов ↔ вызов» и его стремление к риску в их реконструкции. Совокупность функций аффективной экспансии делает ее универсальным регулятором всего диапазона личностных адаптаций в отношении стереотипов и новаций. Формирование «опыта границы» и диспозиций личности, отражающих взаимоотношение ее потребностей и условий их удовлетворения на границе контакта Я и не-Я, анализируется в контексте нормального и дисгармоничного персонотенеза. Описаны механизмы взаимодействия аффективной экспансии человека с его границами: аттракция, протекция, ингибция, механизмы «качелей» и превращения «-» в «+». Диспозиционная и ситуативная доминанты этих механизмов в их системном взаимодействии обозначены как перспектива исследования их связи с характером аффективной экспансии.

Ключевые слова: психологические границы, мотив границы, неадаптивная активность, аффективная экспансия, экспансивность, механизмы экспансии, дисфункции экспансии, дезадаптивные стили.

Для цитаты:

Шаповал И.А. Аффективная экспансия как регулятор границ Я: от адаптационных задач к дезадаптивной активности [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 1–17. doi: 10.17759/psyclin.2017060101

For citation:

Shapoval, I.A. Affective Expansion as a Regulator of the Borders of I: from the Adaptation to the Non-Adaptive Activity [Elektronnyi resurs]. Clinical Psychology and Special Education [Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiiia], 2017, vol. 6, no. 1. pp. 1–17. doi: 10.17759/psycljn.2017060101 (In Russ., abstr. in Engl.)

Неопределенность и двусмысленность современного мира, разнообразие точек зрения и отсутствие неспособных ошибаться и достойных доверия авторитетов требуют от нас способности «изменять рамки». И постоянство, замечает З. Бауман [1], уже считается опасным признаком плохой приспособляемости к быстро и непредсказуемо меняющемуся миру и к удивительным возможностям, которые он в себе несет. Проблемы возможности и эффективности контакта/изоляции изменяющегося человека с самим собой и с изменяющимся миром разворачиваются в культурно-историческом контексте современной феноменологии границ Я. Соотношение традиций и новаций и горизонты новых возможностей, открывающиеся в связи с обретением пограничной точки зрения, акцентируют границу и как символ перехода, и как поле скрытых пока еще смыслов и нереализованных возможностей, и как особый «мир на границе», соединяющий, казалось бы, несоединимое. При этом сложный механизм смыслообразования допускает движение не только к ценностным смыслам, но и к «нулевой ценностной границе» [4]. Происходящие здесь деформации и дисфункции личности возникают как эффект взаимодействия субъективных и социальных миров: социальная и внутренняя дезориентация, дезадаптивное поведение и утрата социальной компетенции с критичностью по отношению к обществу и некритичностью к собственной жизненной программе [16]. Противоречие между разделением современного общества на субъектов *де-факто* и *де-юре* (З. Бауман) в отношении границ своего Я и дефицит исследований в этой области определяют актуальность нашего исследования регуляторов психологических границ.

Каждый человек управляет своей энергией так, чтобы иметь хороший контакт с окружающей средой или уходить от него, утверждают И. и М. Польстер [13]. Стремление человека пережить свое бытие на границе появляется везде, где только можно ее обнаружить: между известным и неизвестным в познании, между возможным и действительным в творчестве, между благополучием и угрозой существования в риске, между открытостью и защищенностью в межличностном общении. [10]. В то же время не существует мотивации без потребностей, но есть потребности, не ставшие мотивом: «люди рая» парализуются малейшими отрицательными переживаниями, а их антиподы – «люди ада», непрерывно себя преодолевающие, стоические и героические, – способны действовать плодотворно и целеустремленно только на фоне препятствий [6]. Таким образом, если обнаружение границы связано с внешней ситуацией (в том числе между субличностью), то появление интринсивного стремления перейти ее должно иметь и некие обеспечивающие неадаптивную активность человека *внутренние* источники. Обнаружение этих внутриличностных оснований и анализ их содержания и механизмов являются **целью** нашей работы.

Представления о жизнедеятельности человека как о развитии эмоционального контакта со средой и как об особой реальности границы Я связывают три теоретических конструкта. Первый из них раскрывает роль эмоций:

- как эволюционно-адаптационные механизмы выживания и коммуникации эмоции имеют генетическую основу и сохраняются в функционально эквивалентных формах на всех филогенетических уровнях [21];
- в контексте системного подхода эмоции – один из механизмов регуляции информационно-энергетического обмена между живой системой и средой, а также между элементами самой системы [17]: стенические эмоции активизируют этот обмен, астенические – тормозят;
- развитие эмоционального контакта индивида со средой эволюционно обуславливает возникновение и пространственно-временное развитие двух систем его аффективной адаптации – к стабильным и нестабильным условиям и к ситуациям окружения [5].

Второй конструкт определяет двойственность возможностей границ Я:

- с одной стороны, это «определивание» границами реальности (Р.Д. Лэйнг), разграничение возможного и невозможного, изолирование одних областей от других и одновременно обеспечение связи между ними (К. Левин);
- с другой – имманентная способность границ быть преодоленными посредством нахождения нового смысла в обыденной реальности (В. Франкл) или конструирования новых реальностей, включая виртуальные (У. Джеймс, А. Шюц, С.С. Хоружий).

Таким образом, граница конституируется как локус появления и актуализации самой проблемы ее перехода – смены состояний, установок сознания, смыслов в области «пограничья», между известным и неизведанным, на «границе контакта» двустороннего опыта организма и среды [13].

Третий конструкт объясняет возможность перехода границы благодаря способности человека к трансценденции, или выходу за пределы себя (К. Ясперс, М. Хайдеггер), и трансгрессии – переходу, казалось бы, непроходимой границы (М. Фуко). Эту способность Х. Плеснер [12] объясняет имманентной эксцентричностью человека: как живое существо он не удерживается в своих границах и, стремясь стать иным, переходит от одного превращения к другому. М.К. Мамардашвили источником и местом хранения «необходимости себя» и способности человека «взбрыкивать» под давлением цивилизационного программирования определяет первичные символические структуры сознания: «Нечто, что делается с необходимостью внутренней достоверности или просто внутренней необходимости, и есть нечто, делаемое свободно» [8, с. 139].

Граница имманентно заключает в себе двойственность, неопределенность, сомнительность, оповещающие, по мнению З. Баумана, о неуверенности и

нерешительности [1]: чего следует ожидать, как себя вести, какими окажутся последствия наших действий? Как правило, инстинктивно или на основании опыта мы опасаемся двойственности как врага безопасности и уверенности в себе и склонны верить, что чувствовали бы себя в гораздо большей безопасности и комфорте, если положение оказалось бы определенным. Тем не менее, утверждает В.А. Петровский, наличие у субъекта особого «мотива границы» генерирует неадаптивную активность или тенденции к снятию внутренних ограничений и к действию над порогом ситуативной необходимости [10]. Будь то транситуативный выход человека за пределы собственных исходных требований или контрситуативный выбор неадаптивной стратегии в условиях неопределенности прогноза результатов – эти избыточные с точки зрения адаптации надситуативные действия совершаются для себя.

Мотив границы, или бытия на границе, проявляется в стремлении ощутить себя в ее локусе (балансируя на грани), элиминировать ее (переходя через грань) и, наконец, вовлечь ее в свою деятельность (связывая смежные поля активности и тем самым упраздняя грань между ними). В.А. Петровский подчеркивает, что само осознание границы есть неизбежный выход за ее пределы [11]: *прочувствовать* границу – значит, балансируя «на черте», переживать сопутствующую этому смену впечатлений; *установить для себя значение* границы – познать ее функцию (предупреждение, предотвращение), что возможно только по другую сторону черты; *осмыслить* границу – ответить на вопрос, что мог бы дать опыт границы: самоограничение или самотрансценденцию с переживанием свободы от ограничений посредством «снятия» границы?

Ответ на этот вопрос связан в том числе с решением субъекта, что поместить внутрь своей личности, а что оставить вовне, – решением, требующем предварительного выделения себя из личного бытийного фона окружающей среды [9]. Необходимым условием превращения Я в «место чувства Я» П. Федерн считает передвигаемость границы Я и не-Я [цит. по: 18]. В то же время функциональная недостаточность границы в виде чрезмерной ее жесткости или, наоборот, сверхпроницаемости сужает автономию личности, переполняет Я внешними впечатлениями и ведет к гиперадаптации к требованиям среды.

Эти положения можно проиллюстрировать эмпирическими данными выполняемой под нашим руководством магистерской диссертации Ж.А. Бисенгалиевой на тему «Влияние деформаций психологических границ на формирование аддиктивной идентичности подростков с задержкой психического развития». В выявленном дисбалансе между «невпускающей» и проницаемой границами преобладает *проницаемая*, что характеризует инфантильную склонность к установлению симбиотических отношений. В дисбалансе «вбирающая–отдающая» границы доминирует именно *отдающая*, что также может связываться с инфантильными установками ожидания индивида, что окружающие должны сами догадаться о его потребностях и удовлетворить их. Низкие показатели по «невпускающей» и *спокойно-нейтральной* границам в сочетании с доминантной их *проницаемостью* могут указывать на страхи одиночества и потери контакта при предъявлении личностью ее «нет», несогласия. В целом недостаточная

сформированность психологических границ и разбалансированность между ними преобладают у подростков с большей склонностью к аддиктивной идентичности.

Итак, мотив границы можно считать одной из составляющих процесса регуляции границ Я. Какая же из структур психики может претендовать на роль источника этого мотива?

В психогенезе первой из регуляторных систем, обеспечивающих активность жизнедеятельности организма, возникает базальная аффективная система. Порождаемая инстинктами и влечениями, в наиболее примитивных формах реагирования она функционирует по механизму безусловных рефлексов. В ходе онтогенеза из этих ранних форм вырастают сложные системы мотивации, эмоции же становятся субъективными индикаторами значимости и интенсивности актуальных потребностей человека, переживания им своего отношения к их предметам, выражения соответствующего состояния и регуляции поведения. Как показывает В.А. Петровский в модели «восхождения к риску», каждая из возможных реакций на потенциальную угрозу имеет сложную структуру: первичные врожденные побуждения, индивидуально-приобретаемые в опыте и ценностно-обусловленные [11]. В реакции избегания это оборонительный рефлекс, страх и стремление к бегству; в стремлении к опасности – ориентировочная реакция, жажда острых ощущений, вкус к риску, склонность к бескорыстному риску.

По мнению С.К. Нартовой-Бочавер и О.В. Силиной, в раннем детстве внешняя и внутренняя реальность для ребенка неделимы, а границы между ними проницаемы [9]. На протяжении дошкольного детства происходит становление границ и их постепенное сужение: в 5-6 лет они бессознательны (формируются защиты от воздействий внешнего мира и избирательная открытость к ним), а в 6-7 лет наполняются социальным смыслом и становятся сознательными. Эмоциональные переживания – субъективная реальность для детей от 2 до 10 лет – часто вытесняют объективные требования общества. «Прочувствовать» границы позволяют стрессовые ситуации, и возникающие в них негативные эмоции можно расценивать как символ нарушения границ Я.

М.А. Ишкова эмпирически обнаруживает мотив границы уже у 4-летних детей: это попытки обозначить для себя незримый предел, переход через который порождает переживание смены впечатлений [3]. В следующие два года жизни мотив границы проявляется в актах ее «опробования» путем реального или идеального перехода через заданный предел: это уже стремление быть «по ту сторону границы». При предъявлении культурного знака границы (запрет) фиксируется феномен вызова мотива границы: реализуя его, ребенок своими действиями устанавливает для себя ее значение. При этом выделяются генетически преемственные формы мотива границы: аффект, порождаемый ситуацией действия (тенденция к воспроизводству эмоций «бытия на границе»), надситуативное побуждение к действию (предпочтение определенных границей действий) и

смысловая перспектива преобразования ситуации – осмысление границы как ее преодоление.

Как можно видеть, уже в дошкольном возрасте доступна фиксация динамики развития психологических границ: от инстинктивно-интуитивно-аффективных к символически означиваемым и далее – к вербально репрезентируемым формам. Но уже в раннем детстве (по мнению ряда исследователей, начиная со второго полугодия первого года жизни) мы можем наблюдать полярные различия в отношении детей к препятствию: это и знак эмоции, и ее тонус, или энергетика, выражающиеся в реакции на границу. Преобладание внешней направленности психической деятельности человека в сочетании с напористостью и высокой наступательной психической и двигательной активностью в преодолении препятствий определяется как *экспансивность*. Неожиданное впечатление здесь вызывает любопытство, а препятствие на пути к аффективной цели или угроза существованию – не страх, а гнев и агрессию. Субъект активно идет туда, где опасно и непонятно. С усилением влечения экспансивность может проявиться и в переоценке собственных сил и возможностей, и в неадекватной оценке возможности преодоления препятствия, и в склонности к иллюзиям доступности желаемого при объективных свидетельствах невозможности его достижения.

Аффективная экспансия – адаптационная функция овладения предметом потребности, отделенным от субъекта барьером, в том числе пространством [5]. Суть аффективно-смысловых задач экспансии – преодоление неожиданных препятствий на пути к значимой цели, овладение неизвестной или опасной ситуацией. В предложенной О.С. Никольской, В.В. Лебединским и М.К. Бардышевской модели базальной системы эмоциональной регуляции аффективная экспансия – наиболее энергетически заряженный и доминирующий уровень, способный подавлять или не учитывать отрицательные аффективные оценки ситуации других уровней. Эмоции здесь особо интенсивны, полярны и стеничны, что необходимо для активной адаптации к *нестабильным* ситуациям, когда аффективный стереотип поведения становится несостоятельным, то есть к ситуациям неопределенности, выход из которых требует от человека изменения границ привычного мира Я и не-Я.

Вслед за Р. Плутчиком мы полагаем, что само обнаружение границы вызывает сначала элементарную оценку ситуации, затем – соответствующую ей эмоцию и последующую поведенческую реакцию на факт препятствия [10; 21]. При этом граница Я становится объектом регуляции со стороны личности при условии, что она идентифицируется и актуализируется как значимая. Важно, что результатом этой регуляции становится достижение субъективной самооффективности в ситуациях взаимодействия Я и не-Я [17].

Мотив границы соответствует реакции центрации с реальным или воображаемым пересечением границы, то есть ее экспансией, и эмоции здесь наиболее яркие и способные делать оценку любого вида риска неадекватной (см. табл.). Их контрастность порождает сложные эмоциональные аккорды: так совпадение удовольствия и страха синтезирует чувство риска, стимулирующее личностную экспансивность.

Таблица

**Связь базисных адаптивных реакций и эмоций
и реакций человека на обнаружение границы**

Этапы реагирования на границу			Типы реагирования
Когнитивная оценка стимула	Эмоции	Базисные адаптивные реакции	
Что там?	Ожидание	Ориентация при контакте с неизвестным, новым или неопределенным барьером	Согласование с границей / реакции следования
Что это?	Удивление	Исследование границы с целью создания схематичного представления о ней	
Друг	Принятие, доверие	Приближение, тенденция к сохранению контакта	
Опасность	Страх, ужас перед угрозой	Реинтеграция как реакция на утрату возможностей. Отвержение	Избегание границы – протекция
Заброшенность	Печаль, горе		
Отравы (по Р. Плутчику)	Отвращение Ненависть		
Враг	Гнев, ярость перед препятствием	Разрушение барьера / элиминация границы (реальное или воображаемое пересечение)	Центрация на границе – инкорпорация / вовлечение в действие
Обладать	Радость, экстаз		

Аффективная экспансия как функция адаптации в нестабильных ситуациях позволяет человеку не только найти выход в нестабильной, неопределенной ситуации, но и обнаружить в себе источник и потенциал преодоления границ, в том числе собственных страхов и социальных запретов. Это достигается благодаря иерархическому ряду ее важных подфункций; аффективная экспансия:

- запускает исследовательское поведение и активное освоение окружающего мира. Эмоции как цепи событий со стабилизирующими обратными связями призваны поддерживать поведенческий гомеостаз [21] в информационно-энергетическом обмене между организмом и средой по схеме «вызов ↔ ответ»;
- мобилизует человека на преодоление трудностей благодаря возникающим амбивалентным эмоциям: любопытству к неожиданному впечатлению, азарту

в преодолении опасности, гневу в стремлении к уничтожению преграды. Неадекватное окружающим обстоятельствам усиление или ослабление интенсивности эмоций, изменение их качественных характеристик может приводить к дезадаптивному поведению;

- конструирует и совершенствует витально необходимые человеку мерки оценки своих сил и границ возможностей в воздействии на среду; формирует опыт успехов и поражений и, углубляя или сужая контакты человека со средой, усиливает или ослабляет его экспансию в новые сферы;
- тонизирует и, снимая напряжение и принося облегчение, эмоциональный подъем, эйфорию, элиминирует чувство неполноценности и стимулирует стремление к превосходству (А. Адлер), что становится основой для развития уровня притязаний и индивидуальных стратегий совладания: преодоления или приспособления;
- дифференцирует переживание напряжения потребности (хочу – не хочу) и возможности ее удовлетворения (могу – не могу), создавая почву для конфликта «хочу – могу» как источника развития и для поведения риска.
- позволяет индивиду выделить себя из ситуации как субъекта аффективного поведения. Контрситуативный выход человека за пределы изведенного и заданного удовлетворяет потребность в самоиспытании и в оценке себя как носителя «свободной причинности» («причины себя») [10]. Потребность в субъектности проявляется в широком диапазоне конформизма–нонконформизма, созависимости–ассертивности и других измерений;
- становясь самоценной, порождает и усиливает стремление к риску, к переживанию азарта, к конструктивной агрессии, выступающей одновременно и источником активности человека в поисках ситуаций риска для конструирования и реконструкции границ своего Я, и актом выхода за них.

Связь аффективной экспансии и мотива границы с ожиданием катарсиса и тенденцией к воспроизводству пережитого подпитывается потребностью психики в поддержании активных стенических состояний, которую должно удовлетворять постоянное аффективное тонизирование стимулами внешней среды. При субъективной оценке среды как бедной, монотонной, скучной, не вызывающей выраженных эмоций возникает надежда, что преодоление неких препятствий выведет из эмоциональной стагнации и принесет хотя бы временную удовлетворенность. В этих условиях отягощенность (или одаренность?) жадой острых ощущений, сенсорной жадой, обострение одного из видов «психологического голода» (в сенсорной стимуляции, в признании, в контакте и физическом поглаживании, сексуального голода, голода по структурированию времени или по инцидентам [2]) заставляет все чаще и чаще прибегать к аутостимуляции. Другими словами, повышенная восприимчивость, пониженная адаптируемость к обыденной реальности и низкий порог фрустрации

обуславливают формирование некоего экспансивного драйва, ориентированного не просто на преодоление препятствий, но и на их поиск и создание.

Предполагается, что источники эмоционального тонизирования должны быть сбалансированы, а адаптация к стабильным и к нестабильным условиям и ситуациям – гибкой. Но в реальности в обеспечении ориентировки в окружающем высокая субъективность эмоциональных оценок делает пристрастными (вплоть до иррациональности) когнитивные интерпретации и оценки среды как бедной или богатой стимулами. Кроме того, эмоциональная информация менее структурирована и более ассоциативна, и результатом становятся индивидуальные предпочтения в выборе стабильности или нестабильности.

Таким образом, способность аффективной экспансии трансформироваться из адаптивной функции в неадаптивную активность приводит к утверждению мотива границы в качестве внутреннего провокатора преобразования формулы контакта человека с границами своего Я из «вызов ↔ ответ» в «вызов ↔ вызов». В этом плане часть мотивов поведения риска можно отнести уже к функционально адаптивным: стремление к предпочтительному уровню риска; искусственный смысл как цель обретения ощущения всемогущества; потребность в осознании и ощущении своей необходимости и полезности как личности («психологические экстремалы»).

Рассматривая становление и реализацию описанных выше подфункций аффективной экспансии в персоногенезе, мы обнаруживаем:

1. способность аффективной экспансии трансформироваться из адаптивной функции в источник неадаптивной активности и далее фиксироваться в стойкой черте личности, характеризующей степень ее субъектности (от де-юре к де-факто) в ситуациях неопределенности и выбора;
2. возможность перехода аффективной экспансии из ситуативной аффективной реакции в поведенческий стереотип и затем – в основную диспозицию личности в определении стратегий поведения в отношении собственных границ и новых возможностей: от готовности к дезинтеграции границ Я до «ужаса растворения связного Я» (Д. Калшед).

Дефицитарность или избыточность аффективной экспансии как диспозиции личности могут определять специфику личностного адаптивного стиля как в «нормальном» персоногенезе, так и при дисгармониях и дисфункциях личности. Нормативными и в ряде случаев институционализированными можно считать многие формы девиаций поведения, включая сексуальные перверсии, поведение риска, «жесткие» формы разрешения конфликта и копинг-стратегий и т.д. В рамках клинической и специальной психологии дисфункции аффективной экспансии обнаруживаются в аутистических, невротических, патохарактерологических расстройствах, в созависимости и аддикциях, которые обусловлены несовершенством защитных механизмов психики. По мнению Р. Плутчика, ведущая эмоция вполне способна формировать потребность, не укладывающуюся в рамки адаптивного поведения, и поддерживать личностный баланс должны

психологические защиты [21]. Однако они могут быть несформированными, инфантильными или патологическими – травматическими примитивными (Д. Калшед, Д. Винникот, Х. Кохут), и в этих случаях мы наблюдаем деструктивность и аффективной экспансии, и регуляторной функции эмоций относительно границ Я.

Рассмотрим роль и место дисфункций аффективной экспансии в «ненормативных» вариантах развития личности. Личностные адаптации, или личностные адаптивные стили, формируются как результат комбинации «внутренней» и сформировавшейся под влиянием среды позиций [19]. В контексте деформаций личности этот процесс хронологически можно представить как онтогенетическую цепочку:

1. на фоне хронической фрустрации базовых потребностей ребенка возникают ранние дезадаптивные схемы;
2. далее развиваются собственно дезадаптивные схемы;
3. наконец, формируются дезадаптивные стили поведения, включая длительные, бессознательно возникающие когнитивные и поведенческие реакции самопоражающего характера.

Именно в дезадаптивных схемах и стилях и реализуются прямо или опосредованно дефекты аффективной экспансии границ Я. Согласно Дж. Йонгу и коллегам [20], это нарушения границ и связей (отталкивания, автономии, сверхбдительности и подавления) с сопутствующими им проблемами покидания и нестабильности, недоверия и насилия, социальной изоляции и отчуждения, зависимости и сверхсенситивности к опасности, доминирования и подчинения, самоконтроля и т.д.

Гипо- и гиперфункции аффективной экспансии как уровня базальной регуляции эмоциональных контактов с миром начинают проявляться примерно с 15 месяцев [5]. При гиперфункции наблюдается выраженное ощущение своей силы, а мир воспринимается как место для исследований и преодоления препятствий. Ведущими мотивами деятельности становятся стремление к борьбе, риску, самоутверждение, преодоление трудностей в сочетании со стремлением привлечь внимание окружающих, доказать свою исключительность. При гипофункции аффективной экспансии, напротив, восприятие мира характеризуется неуверенностью в своих силах, чувствительностью к оценкам окружающих, трудностями выбора и принятия решения и острым восприятием неудач. Ведущим мотивом оказывается стремление к стереотипизации жизни и к компенсации. В выраженных формах описанные тенденции дезорганизации аффективной экспансии становятся базальной аффективной основой патологической экспансивности, истерического расстройства личности, истероэмоциональности или сенситивности и психастении [7].

В описаниях Ф. Риманом базальных тенденций жизни мы видим полярное отношение к границам Я [14]. Обсессивный тип с тенденцией к неизменности

и порядку и шизоидный – с «движущим импульсом» к самосохранению стремятся к возведению границ и изоляции. «Дезертир» стабильности и обыденности – истерический тип с его страхом любых жестко установленных границ и ограничений и тенденцией к изменению существующего порядка, к преодолению, ко всему новому и рискованному. Таким образом, одна и та же эмоция страха относительно границ Я причудливо трансформируется в их мотиве – «бытии на границе»: в равной степени упорном создании и ужесточении границ или их разрушении.

Итак, становление и развитие аффективной экспансии, начиная с раннего детства, формирует аффективные тенденции личности в отношении стереотипов и новых возможностей, стремления к «бытию на границе», ее избегания или преодоления, а также сам опыт границы в виде самоограничения или контрситуативности и трансгрессии. Учитывая, что происходящее в этих процессах смыслообразование может ориентироваться не только на общечеловеческие ценности, но и на «нулевую ценностную границу» [4], считаем, что аффективную экспансию следует рассматривать как универсальный регулятор всего диапазона личностных адаптаций в эмоциональных контактах со средой, включая дезадаптивные стили. Специфические способы взаимодействия с границами своего Я определяют стиль жизни человека со сложившимися диспозициями, установившего свои приоритеты. Разнообразие этих способов обеспечивают, как мы полагаем, пять основных механизмов, регулирующих взаимодействие аффективной экспансии и границ Я.

1. В основе механизма аттракции – явные или скрытые установки, преддетерминирующие поведение человека и строящие его из потребного будущего состояния вещей. В синергетике аттрактором считается относительно устойчивое состояние системы, как бы притягивающее к себе все множество ее «траекторий», определяемых разными начальными условиями. Представляя собой особое побуждение, не вписывающееся в круг ситуативно заданных [3], мотив границы становится аттрактором благодаря интенсивности эмоций, переживаемых в ситуации двойственности и неопределенности, когда информация о достижении цели минимальна или недоступна. Желание вновь и вновь пережить столь же сильные эмоции формирует аффективную потребность во впечатлениях риска путем испытания себя в опасных ситуациях («адреналиновые наркоманы»). Сами ситуации социального запрета или встречи с объектом, воспринимаемым как потенциальная угроза, могут усиливать исходное побуждение к действию («запретный плод сладок») или провоцировать независимое от исходного мотива «преступное» действие.

2. Механизм протекции (от лат. *protegere* – охранять, защищать) – любое действие, увеличивающее расстояние между организмом и препятствием, и защита, способная компенсировать личностные факторы риска. Благодаря компенсаторной функции эмоций, проявляющейся в условиях риска и неопределенности [15], мотив границы должен угасать, а человек – возвращаться к стереотипному реагированию на препятствие. Однако любой фактор риска может являться одновременно и защитным, и провокативным («и хочется, и колется»). В этой ситуации, вероятно,

решение о бегстве или о стремлении к опасности зависит от степени выраженности аффективной экспансивности личности.

3. Механизм ингибиции (от лат. *inhibeo* – сдерживать, останавливать) тормозит, замедляет, угнетает активность протекания реакций или процесса, останавливает или полностью прекращает их. Угрожающие и дискомфортные впечатления при обнаружении препятствия мобилизуют и бодрят только при условии предвкушения субъектом победы, при его уверенности в возможности овладения ситуацией. Торможение или аутоот торможение, превышающее силу мотива границы, может принимать следующие формы [13]: интроекции с направлением всей энергии на сохранение удовлетворенности, ретрофлексии с переносом энергии вовнутрь и сужением связи между собой и средой, дифлексии с уходом от прямого контакта, конфлюэнции с ее жизнью «по течению».

4. Механизм преобразования «минуса» в «плюс» позволяет активно преобразовать часть неприятных впечатлений в приятные. В аффективной экспансии побудительную ценность имеет сама граница, и именно в процессе экспансии исходный знак «преграды» трансформируется в источник самооценной активности, автономный от опредмеченной потребности: положительные эмоции приносит само преодоление, и оно становится предметом потребности.

Механизм «качелей» выступает основой аутостимуляции при достигнутой субъективной адаптации: «раскачивать качели» – искать ощущение опасности, преодоление которой дает дополнительный мощный аффективный заряд переживания победы. В определенных ситуациях, замечает П.В. Симонов [15], именно положительные эмоции побуждают нас нарушать достигнутое равновесие с окружающей средой: стремясь повторить их переживание, мы вынуждены активно искать неудовлетворенные потребности и ситуацию неопределенности. Тем самым компенсируются и недостаток неудовлетворенных потребностей, и прагматическая неопределенность, способные привести к застою и деградации.

Выводы

Представления о жизнедеятельности человека как о развитии эмоционального контакта со средой и об особой реальности границы Я связывают регуляторно-адаптационную роль аффективной системы, двойственность возможностей и перехода границ Я благодаря способности человека к трансценденции и трансгрессии. Мотив границы, или «бытия на границе», выступает одной из составляющих процесса регуляции границ Я.

Внутренним основанием мотива границы как нестабильной ситуации, в которой аффективные стереотипы поведения несостоятельны, выступает аффективная экспансия – овладение неизвестной или опасной ситуацией. Аффективная экспансивность определяет контакт человека с границами своего Я как «вызов ↔ вызов» и его стремление к риску их конструирования и реконструкции.

Как в «нормальном» персоногенезе, так и при дисгармониях и дисфункциях личности совокупность функций аффективной экспансии отражается в специфике личностного адаптивного стиля в отношении стереотипов и новых возможностей и в конструировании «опыта границы». Таким образом, аффективная экспансия выступает универсальным регулятором всего диапазона личностных адаптаций в эмоциональных контактах со средой.

Разнообразие специфических способов взаимодействия аффективной экспансии человека с границами его Я обеспечивается пятью основными механизмами: аттракцией, протекцией, ингибцией, механизмами «качелей» и превращения «минуса» в «плюс». Диспозиционная и ситуативная доминанты этих механизмов в их сложном системном взаимодействии, а также их эмоциональные, интеллектуальные, коммуникативные, защитные предиспозиции требуют дальнейшего научного поиска. Выбор человеком психологических защит и копинг-стратегий, наличие у него стремления к изменениям и склонности к поведению риска, толерантности к неопределенности и личностных стремлений, разного рода аддикций и аддиктивной идентичности, психологических комплексов и ассертивности и, безусловно, характеристик самих границ – вот далеко не полный круг потенциального диагностического инструментария.

Стремление к выходу из привычных границ, отказ от внешнего контроля и ориентация на самоконтроль в нестабильных ситуациях, разотождествление и самоотречение – все это отражение в аффективной экспансии творческого начала человека. Анализ связи механизмов аттракции, протекции, ингибции, «качелей» и превращения «-» в «+» и характера аффективной экспансии в контексте формирования диспозиций личности относительно ее потребностей и условий их удовлетворения на границе контакта Я и не-Я можно определить как исследовательские перспективы.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Берн Э. Секс в человеческой любви. М.: «Издательство АСТ-ЛТД», Институт общегуманитарных исследований, 1998. 352 с.
3. Ишкова М.А. Феномен границы в детерминации активности ребенка: дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 1998. 140 с.
4. Куликова Т.В. Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы: дисс. ... доктора философских наук. Нижний Новгород, 2011. 334 с.
5. Лебединский В.В., Бардышевская М.К. Аффективное развитие ребенка в норме и патологии // Психология аномального развития ребенка: хрестоматия: в 2-х т. Т. 1.

Шаповал И.А. Аффективная экспансия как регулятор границ Я: от адаптационных задач к дезадаптивной активности
Клиническая и специальная психология
2017. Том 6. № 1. С. 1–17.

*Shapoval, I.A. Affective Expansion as a Regulator of the Borders of I: from the Adaptation to the Non-Adaptive Activity
Clinical Psychology and Special Education
2017, vol. 6, no. 1, pp. 1–17.*

/ под ред. В.В. Лебединского, М.К. Бардышевской. М.: ЧеРо; Высш. шк.; Изд-во МГУ, 2002. С. 588-681.

6. *Левин В.В.* Искусство быть собой. М.: Знание, 1991. 256 с.
7. *Максимова Н.Ю., Милютин Е.Л.* Курс лекций по детской патопсихологии. Ростов н\Д.: Феникс, 2000. 576 с.
8. *Мамардашвили М.К.* Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
9. *Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В.* Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. Т. 32. № 3. С. 13–28.
10. *Петровский В.А.* «Мотив границы»: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008. № 3. С. 10–26.
11. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
12. *Плеснер Х.М.* Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию. М.: Российская политическая энциклопедия. 2004. 368 с.
13. *Польстер И.* Интегрированная гештальт-терапия. М.: Класс, 2004. 272 с.
14. *Риман Ф.* Основные формы страха. М.: Алетейа, 1999. 336 с.
15. *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 215 с.
16. *Шаповал И.А.* Деформации личности как эффект взаимодействия субъективных и социальных миров [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2014. Т. 3. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2014/n4/Shapoval.shtml> (дата обращения: 06.12.2016).
17. *Шаповал И.А.* Функции и дисфункции границ Я: эффекты самоорганизации и самодезорганизации системы [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2016. Т. 5. № 1. С. 19–32. doi:10.17759/cpse.2016050102 (дата обращения: 06.12.2016).
18. *Ammon G.* Handbuch der Dynamischen Psychiatrie. München: Er. Reinhardt Verlag, 1982. Bd. 2. 967 p.
19. *Joines V.* The treatment of personality adaptations: using redecision therapy / J. Magnavita (Ed.) // Handbook of personality disorder theory and practice: Yoboken, Wiley, 2004. P. 194–220.
20. *Joung J.E., Klosko J.S., Weishaar M.E.* Schema therapy: a practitioner's guide. NY: Guilford Press, 2003. 436 p.
21. *Plutchik R., Kellerman H.* A general psychoevolutionary theory of emotions / R. Plutchik, H. Kellerman (Eds.). Emotion: Theory, research and experience: Vol. 1, № 7. NY: Academic Press, 1980. P. 3–33.

Affective Expansion as a Regulator of the Borders of I: from the Adaptation to the Non-Adaptive Activity

Shapoval, I.A.,

Dr. Sci. (Pedagogic), Professor, Department of Special Psychology, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, irinashapoval@yandex.ru

The possibilities and effectiveness of affective contact of a person with the world are connected with his/her psychological borders. Such as: the subjective symbol of the transition; the scope of potential normative and dysfunctional meanings and possibilities; and the field of non-adaptive activity. The regulatory and adaptive role of the affective system in unstable situations is realized in affective expansion, which determines a person's contact with the boundaries of one's own Defined Self as "Challenge ↔ Challenge " and his/her desire to risk in their reconstruction. The set of functions of affective expansion makes it a universal regulator of the whole spectrum of personal adaptations with respect to stereotypes and innovations. The formation of the "border experience" and of the dispositions of an individual, reflecting the relationship between its needs and the conditions of their satisfaction at the interface Self and not-Self, is analyzed in the context of normal and disharmonious personogenesis. The following mechanisms of interaction of affective expansion of a person with his/her borders are described: attraction, protection, inhibition, mechanisms of "swing" and turning "-" into "+". Dispositional and situational dominants of these mechanisms in their system interaction are designated as a future investigation of their connection with the nature of affective expansion.

Keywords: psychological borders, border motif, non-adaptive activity, affective expansion, expansiveness, mechanisms of expansion, dysfunction of the expansion, non-adaptive styles.

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. Moscow: Logos, 2005. 390 p.
2. Bern E. Seks v chelovecheskoi lyubvi [Sex in human love]. Moscow: AST-LTD, publ. of Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 1998. 352 p.

3. Ishkova M.A. Fenomen granitsy v determinatsii aktivnosti rebenka. Diss. kand. psikhol. nauk [The phenomenon of border in the determination of the child's activity. PhD. (Psychology) diss.]. Moscow, 1998. 140 p.
4. Kulikova T. V. Filosofiya granitsy: fenomenologicheskii i epistemologicheskie podkhody: diss. ... doktora filosofskikh nauk [The philosophy of boundaries: a phenomenological and epistemological approaches. Dr. Sci. (Philosophy) diss.]. Nizhnii Novgorod, 2011. 334 p.
5. Lebedinskii V.V., Bardyshevskaya M.K. Affective development of the child in norm and pathology. In V.V. Lebedinskii (ed.) *Psikhologiya anomal'nogo razvitiya rebenka: khrestomatiya: v 2 t. T. 1. [Psychology of abnormal child development: a reader: in 2 vol. Vol. 2]*. Moscow: CheRo; publ. of MGU, 2002. pp. 588–681.
6. Levi V.V. *Iskusstvo byt' soboi* [The art of being yourself]. Moscow: Znanie, 1991. 256 p.
7. Maksimova N.Yu., Milyutina E.L. *Kurs lektsii po detskoj patopsikhologii* [A course of lectures on child psychopathology]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2000. 576 p.
8. Mamardashvili M. K. *Moi opyt netipichen* [My experience is atypical]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2000. 400 p.
9. Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V. *Dinamika razvitiya psikhologicheskikh granits na protyazhenii detstva* [The dynamics of the development of psychological boundaries during childhood]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya [Actual problems of psychological knowledge]*. 2014. Vol. 32. no. 3. pp. 13–28.
10. Petrovskii V.A. «Motiv granitsy»: znakovaya priroda vlecheniya ["The motive of the border": the symbolic nature of the attraction]. *Mir psikhologii [The world of psychology]*. 2008. no. 3. pp. 10–26.
11. Petrovskii V.A. *Chelovek nad situatsiei* [The person on the situation]. Moscow: Smysl, 2010. 559 p.
12. Plesner Kh.M. *Stupeni organicheskogo i chelovek. Vedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Stage the organic and man. Keeping in philosophical anthropology]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 2004. 368 p.
13. Pol'ster I. *Integrirovannaya geshtal't-terapiya* [Integrated gestalt therapy]. Moscow: Klass, 2004. 272 p.
14. Riman F. *Osnovnye formy strakha* [Basic forms of fear]. Moscow: Aleteia, 1999. 336 p.
15. Simonov P. V. *Emotsional'nyi mozg* [The emotional brain]. Moscow: Nauka, 1981. 215 p.

16. Shapoval I.A. Deformatsii lichnosti kak effekt vzaimodeistviya sub"ek-tivnykh i sotsial'nykh mirov [Elektronnyi resurs] [Deformation of the individual as an effect of the interaction of the subjective and social worlds]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical Psychology and Special Education]*. 2014, Vol. 3. no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/psyclin/2014/n4/Shapoval.shtml> (Accessed 06.12.2016) (In Russ., Abstr. in Engl.).

17. Shapoval I.A. Funktsii i disfunktsii granits Ya: efekty samoorganizatsii i samodezorganizatsii sistemy [Elektronnyi resurs] [Function and Dysfunction of Borders I: the Effects of Self-Organization and Self-Disorganization System]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical Psychology and Special Education]*. 2016. Vol. 5. no. 1, pp. 19–32. doi:10.17759/cpse.2016050102. (Accessed 06.12.2016) (In Russ., abstr. in Engl.).

18. Ammon G. *Handbuch der Dynamischen Psychiatric*. München: Er. Reinhardt Verlag, 1982. Bd. 2. 967 p.

19. Joines V. The Treatment of Personality Adaptations: Using Redecision Therapy. In J. Magnavita (Ed.) *Handbook of Personality Disorder Theory and Practice*: Yoboken, Wiley, 2004, pp. 194–220 p.

20. Joung J.E., Klosko J.S., Weishaar M.E. *Schema Therapy: A Practitioner's Guide*. NY: Guilford Press, 2003. 436 p.

21. Plutchik R., Kellerman H. A general psychoevolutionary theory of emotions. In R. Plutchik, H. Kellerman (Eds.) *Emotion: Theory, research and experience*: Vol. 1, no. 7. NY: Academic Press, 1980, pp. 3–33.